

люди совершают не только трагические непоправимые ошибки, но и упущения. Но неисправленное упущение может стать непоправимостью. Когда сейчас, через полтора года,

просматривал мое многострадальное дитя — антологию «Строфы века», я уже нашел в ней ряд упущений, мучающих мою совесть. На переиздание антологии, которую я смогу исправить и дополнить, можно рассчитывать лишь в начале будущего века, поэтому хочу сказать хотя бы о двух упущениях сейчас. Я был несправедлив, не включив в эту антологию двух поэтов-фронтовиков, которых я уважаю за их участие в народном подвиге, называемом Великой Отечественной. Без этого подвига не было бы ни моего поколения, ни меня самого, ни этой антологии. Первый из этих двух поэтов — Эдуард Асадов. Его балладно-лирическая поэзия явилась в шестидесятые—семидесятые годы социальным феноменом — его стихами о любви, о молодежных проблемах зачитывались те, кто обыкновенно стихов не читает. Пэтзюшники, лимита, дворничихи, приемщицы химчисток, солдаты переписывали стихи Асадова в тетрадки. М. Светлов рассказывал мне перед смертью, что когда он подарил медсестре, ухаживавшей за ним, свою книгу, она, конечно, не отказалась, но смущенно попросила его «достать» ей Асадова. Стихи Асадова давали утешение многим читателям, не доросшим до Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, но нуждающимся в помощи поэзии. Приводимая мной прекрасная «Баллада о буланом пенсионере», надеюсь, не будет никогда соотнесена с судьбой самого поэта, не заслуживающего забвения. Сергей Островой — автор знаменитых в свое время «В путь-дорожку дальнюю», «Вечерком на реке», а строка «Песне ты не скажешь до свиданья, песня не прощается с тобой» известна в нашей стране каждому второму, если не каждому. В лучших его стихах чувствуется естественная фольклорность: «Зима снежки солила в березовой кадушке». У Острового есть строки, чарующие своим простодушием. Но у него есть и малоизвестные прелестные стихи, в частности, маленький шедевр «Ошибка», который представляю читателям «Вечерки» вместе с его другими стихами. Пожелаем эти двум поэтам-фронтовикам еще много лет жизни и много новых стихов. Их стихи я обязательно включу в переиздание «Строф века».

Е. С. Сурин

В «Строфы века» выйдем и их имена

Эдуард Асадов

Баллада о буланом «пенсионере»

Среди пахучей луговой травы
Недвижный он стоит, как изваянье,
Стоит, не подымая головы,
Сквозь дрему слыша птичье щебетанье.

Цветы, ручьи...
Ему-то что за дело!
Он слишком стар,

чтоб радоваться им:
Облезла грива, морда поседела,
Губа отвисла, взгляд подернул дым...

Трудился он, куда были силы,
Пока однажды, посреди дороги,
Не подкачали старческие жилы,
Не подвели натруженные ноги.

Тогда решили люди: «Хватит, милый!
Ты хлеб возил и вялки крутил.
Теперь ты — конь

без лошадиной силы,
Но ты свой отдых честно заслужил!».

Он был на фронте боевым конем,
Конем рабочим слыл

для всех примером,
Теперь каким-то добрым шутником
Он прозван был в селе —
«Пенсионером».

Пускай зовут! Ему-то что за дело?!
Он чуток только к недугам своим:
Облезла грива, морда поседела,
Губа отвисла, взгляд подернул дым...

Стоит и дремлет конь среди ромашек.
А сны плывут и рвутся без конца...
Быть может, под седлом сейчас
он пляшет
Под грохот мин на берегу Донца.

«Марш! Марш!» — сквозь дым догаторский бросок!
Но чуется конь, пластаясь на скаку,
Как старшина схватился за лук,
С коротким стоном выронив клинок...

И верный конь не выдал старшины,
Он друга спас, он в ночь ушел
карьером!

Теперь он стар... Он часто видит сны.
Его зовут в селе «Пенсионером»...

Вот что везы: они ползут во мгле...
Вкус притупился, клевер —

как бумага.
И, кажется, ничто уж на земле
Не оживит и не встряхнет конягу.

Но как-то раз, округу пробуждая,
В рассветный час раздался
стук и звон.
То по шоссе, маневры совершая,
Входил в деревню конный эскадрон.

И над садами, над уснувшим плесом,
Где в камышах бормочет коростель,
Рассыпалась трубы медноголосой
Горячая, раскатистая трель.

Как от удара, вздрогнул старый конь!
Он разом вострепел, задрожал,
По сонным жилам пробежал огонь,
И он вдруг, вскинув голову, заржал!

Потом пошел. Нет, нет, он поскакал!
Нет, полетел! Под ним земля

качалась,
Подковами он пламень высекал!
По крайней мере, так ему казалось...

Взглянул и вскинул брови эскадронный:
Стараясь строго соблюдать равнение,

Шел конь без седока и снаряженья,
Пристроившись в хвосте его колонны.

И молвил он: — А толк ведь есть в коне!

Как видно, он знаком с военным строем! —
И, старика похлопав по спине,
Он весело сказал: — «Привет героям!»

Четыре дня в селе стоял отряд.
«Пенсионер» то навещал обозы,
То с важным видом обходил наряд,
То шел на стрельбы, то на рубку лозы.

Он сразу словно весь помолодел:
Стоял ровнее, шел — не спотыкался,
Как будто шкуру новую надел,
В живой воде как будто искупался!

В вечерний час, когда закат вставал,
Трубы пронесся серебристый звон:
То навсегда деревню покидал,
Пыля проселком, конный эскадрон.

«Марш! Марш!» И только холодок в груди,
Да ветра свист, да бешеный карьер!
И разом все осталось позади:
Дома, сады и конь «Пенсионер».

Горел камыш, закатом обгаренный,
Упругий шлях подковами звенел.
Взглянул назад веселый эскадронный,
Взглянул назад — и тотчас потемнел:

С холма, следя за бешеным аллюром,
На фоне догорающего дня
Темнела одинокая фигура
Вдруг снова постаревшего коня...

Сергей Островой
Ошибка

У столба два плеча покатых.
Рыжий ветер «качнул»

«бадью».
И в колоде, на мокрых скатах,
Я увидел звезду свою.

В предосенней поре, спросонья,
Больно стучаясь с двух сторон,
Все летела она

в бездонье,
Под захлебистый крик ворон.

И какие-то люди видели.
И пришли за моей звездой.

Зачерпнули ее. И выпили.
Вместе с утренней водой.

Им бы сразу тогда раскаться,
Ведь теперь до скончанья дней
Целый век им придется маяться
С непутевой звездой

моей...

Синеглазово

— Ну, садись, садись. Рассказывай.
Ближе сядь. Открой окно.
Где живешь ты?
— В Синеглазове.
— А давно живешь?
— Давно.

— Вот так город! Удивленье!
Видно, местность хороша?
Велико ли население?
— Нет. Всего одна душа.

— Чья такая? Что за чудо?
Расскажи, коль не секрет?
— В этом городе покуда
Я один. А прочих нет.
— В Синеглазове?
— В нем самом.
— Не боишься синих глаз?
— Нет, таким, как я, упрямым —
Этот город в самый раз!

Торопилась речушка-ворчушка
Погостить у зимы.
Рукавицы связала речушка,
Купила пимы.

И пошла, покатила речка,
Берега в инее...
Будто дедушка на крылечко,
Вышел месяц на небо синее.

Вышел месяц в шубенке заячьей,
Держит толстую свечку.
Вот он кинул снежок, играючи,
Прямо в речку.

Вот мелькнула его макушка,
Дно достала.
И поймала снежок речушка.
И встала.

1961

Как мороз баню топил
Если март за весной

погонится —
В белый терем зима схоронится.
И сидит себе там. Затворница.
Пьет из веток зеленый мед.
Изукрашена снегом

горница.
Белый ветер полы метет.
А пурга в полях

крутит мельницу.
Все боятся ее. Злометельницу.
И мороз — он тоже не ленится.
Он из рожи принес

тесин.
И лежит, развалясь, поленища
Сосен струганых. И осин.
Будет баню топить

мороз.
Дров-то нужен не малый воз.
Он такого напустит

пара,
Так поддаст — только лес трещит.
От малинового угара
В небе вскинется красный щит.
А мороз не жалеет

дров.
А закат на ветру багров.
Ели хлещутся. Сосны рдеют.
Над берегами белый

дым.
Даже волки тогда худеют.
Тяжело им в мороз, худым.
Я иду по седой поляне.
От парильни держу

ключи.
Я бы вымылся в этой бане —
Больно веники горячи!

Был человек с собой на «мы»
И говорил беспечно:
— Да, есть еще у нас умы,
И это мы, конечно!

Уйдем — и сгинете. Беда.
И все. И горстка пыли.

И он ушел. А как? Когда?
Об этом все забыли.

1962

1965

9.04.97

497